автором приписки «в рассказе о составлении духовной Ивана IV»[94] В приписке указано совершенно точно· «Царя же и великого князя дияк Иван Михайлов воспомяну государю о духовной Государь же повеле духовную совершити; всегда бо бяше у государя сие готово (разрядка наша, — *Н. А.*)», — замечательная подробность, свидетельствующая о знании состояния государственных документов в государевой канцелярии. Весь же «рассказ о составлении духовной» заключается, кроме приведенного текста, еще только в одной фразе. «Совершивше же духовную, начаша ..». Вероятно, все это «совершение духовной» 11 марта состояло в подписании государем или в оглашении, очевидно, в присутствии ближней думы ранее приготовленного текста, который теперь стал руководящим государственным документом ввиду возможности смертельного исхода болезни царя, ибо «бысть болезнь его тяжка зело, мало и людеи знаяше, и тако бяше болен, яко многим чаяти, к концу приближися» Иными словами, в этом начальном эпизоде, рассказанном припиской, обнаружены ум и опытность в государственных делах инициатора подписания духовной дьяка И. М. Висковатого

Надо думать, что текст духовной был составлен значительно раньше, возможно вскоре после женитьбы царя на Анастасии Романовне Захарьиной, если допустить аналогию, например, с составлением завещания 1572 г,[95] месяца через два после женитьбы Грозного на Анне Колтовской, когда царь внес в духовную указания на все возможные случаи.[96]

Представляется вероятным, что новая духовная царя должна была бы быть написана лишь после нового брака царя, т. е., возможно, после женитьбы Грозного 21 августа 1561 г. на дочери Темрюка Аидаровича, князя Кабардинского, но есть мнение, что духовная 1572 г. основывалась на духовной 1553 г.,[97] т. е. на том тексте, который был подписан (или оглашен) 11 марта, согласно тексту приписки. Крестоцеловальная запись, конечно, определяла не вопросы наследования и наследства, а конкретное поведение того, с кого она бралась в определенной политической обстановке Писать при этом каждый раз предварительно новые духовные грамоты едва ли было необходимо. В вопросе о том, что наличие крестоцеловальной записи от марта 1553 г. подтверждает правильность сведений приписки о сомнительном поведении князя Владимира, а следовательно, косвенно и факт боярских споров 11—12 марта, И. И. Смирнов прав, а Д. Н Альшиц просто логически обречен на защиту неверных положений[98] Согласен с мнением И. И. Смирнова и А. А. Зимин, который подкрепляет его утверждения, выдвигая интересную и плодотворную мысль, что сотая статья «О суде с удельными князи» в Судебнике 1550 г, как заметил Л В Черепнин, приписана после событий 1553—1554 гг,[99] т е что эта деталь оказывается опять-таки косвенным подтверждением факта боярской склоки у постели больного Ивана IV из-за наследника трона

Иными словами, предыдущий разбор приписки под 1553 г в Царственной книге приводит к заключению, что приписка вовсе не повторяет идеи Грозного в первом письме к Курбскому (от 5 июля 1564 г), а в ряде подробностей прямо противоречит им, так что гипотеза о написании ее самим царем совершенно неосновательна. В то же время бросается в глаза

---

[94] И И Смирнов, стр 275—277
[95] ДАИ, т I СПб, 1846, № 222
[96] С Б Веселовский Последние уделы в Северо-Восточной Руси стр 111
[97] А А Зимин Реформы Ивана Грозного, стр 410
[98] Д Н Альшиц Крестоцеловальные записи , стр 147 и сл, И И Смирнов стр 278—283
[99] А А Зимин Реформы Ивана Грозного, стр 415—417